**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**Муниципальный этап (2026–2027)**

**7 класс**

**Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.**

**Максимальный балл – 70.**

**Вариант 1.** Прочитайте рассказ **Сергея Махотина «Ты смог бы без меня обойтись?»** и напишите **отзыв об этом произведении.** Не забудьте высказать свою точку зрения о прочитанном произведении. Вам необходимо не просто дать оценку, но аргументировать её конкретными примерами из текста, анализом произведения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Сергей Махотин**

**Ты смог бы без меня обойтись?**

Юрка пришел в школу какой-то грустный. Или задумчивый. В общем, не такой какой-то.

Я решил, что он просто не выспался. Или встал не с той ноги. Но Юрка не кричал, не толкался, не носился по коридору. Он стоял у окна и строго на всех поглядывал.

– Ты чего? – спросил я.

– Ничего, – сказал Юрка и опять нахмурился.

Я решил к нему не приставать. Если он что-то придумал, все равно первым заговорит. Надолго его не хватит.

Но Юрку хватило аж до большой перемены. Наконец, он отвел меня в самый конец коридора и, убедившись, что никто не подслушивает, произнес тихо:

– Скажи, ты мог бы без меня обойтись?

Я сначала подумал, что это он про новый парусник. Мы три дня уже склеивали эту модель у меня дома. Совсем чуть-чуть осталось. Я огорчился:

– Ты что, не придешь сегодня?

– Не в этом дело, – Юрка мотнул головой. – Ты вообще мог бы без меня обойтись?

– Без тебя, что ли, склеить?

– При чем тут склеить! Представь, что меня нет. Что бы ты делал?

– Ну, – я пожал плечами, – подождал бы денек. Клей лучше схватится.

– Ты что, не понимаешь, что ли! – закричал Юрка. – Нет меня и никогда не было! Смог бы?

– Чего ты орешь? – рассердился я. – Чего смог бы?

– Обойтись. Без меня...

«Вот привязался», – подумал я, отошел на несколько шагов и оглядел Юрку с ног до головы. Ему, пожалуй, пора было постричься. Или хотя бы расческу завести. Волосы у него плясали во все стороны. Левое ухо почему-то было запачкано синей пастой. Из-под пиджака вылез край белой рубашки в горошек.

Никак нельзя было представить, что его нет. Как же нет, когда вот он стоит! К стене прислонился. Я пожал плечами и спросил:

– А ты без меня?

– Нечестно, – возмутился Юрка. – Я первый спросил. А ты отвечай. Только честно.

– Наверное, смог бы, – честно ответил я. – Если тебя нет, я с тобой вообще бы не познакомился никогда.

– Я так и думал, – вздохнул Юрка и двинулся от меня прочь.

– Постой, – догнал я его. – А ты-то сам смог бы без меня обойтись?

Юрка остановился. Он посмотрел мне прямо в глаза и тоже честно ответил:

– Не знаю... Иногда я думаю, что не смог бы. А иногда, что смог бы.

Мне вдруг сделалось грустно. Все-таки он смог бы без меня обойтись. Иногда, но смог бы... Тьфу ты! Все настроение испортил.

До конца уроков мы не разговаривали. Изредка я поглядывал на Юрку. Он сидел на своей парте у окна, смотрел на тополь, начинающий уже зеленеть, и неизвестно было, о чем он думает. Наверное, дуется на меня.

Но из школы мы, как всегда, вышли вместе.

Мы шли и молчали. Довольно противно было так идти. Но я просто не знал, о чем говорить с изменившимся Юркой. Я начинал все больше и больше на него злиться, и мне стало казаться, что без Юрки я вправду спокойненько мог бы обойтись. Вдруг он спросил, не поворачивая головы:

– А без кого ты вообще не смог бы обойтись?

Заговорил наконец!

– Без родителей, наверно, – ответил я, немного подумав. – А ты?

– Без родителей, конечно, не смог бы.

– А без Пирата?

– Без Пирата? – Юрка остановился и посмотрел на меня. – Ты что! Он, знаешь, как меня всегда ждет! Я только дверь в подъезде открою, а Пират уже лает на весь дом. Радуется, что я пришел.

– Ну, ладно, – согласился я. – А знаешь, без чего ты уж точно не смог бы обойтись?

– Без чего?

– Без воздуха.

– Ха! Без воздуха никто не смог бы. И без воды тоже.

– Я где-то читал, – вспомнил я, – что когда на Земле не было суши, а был один сплошной океан, люди дышали жабрами. И обходились без воздуха.

– Ну, сказанул! Это ж когда было! Тогда и людей не было.

– Я читал, что были.

– Откуда же они взялись?

– Из космоса. Их высадили осваивать Землю, но потом что-то там случилось в космосе, взрыв какой-то, и за ними никто не прилетел. Считалось, что от обезьяны люди произошли, а оказывается – из космоса.

– И негры тоже?

– Ну да... – кивнул я, правда, не очень уверенно. – И негры. У них же там, в космосе, разные национальности живут.

–А я вот о чем думаю! – воскликнул Юрка. Он опять был прежним. – Вот если самолет идет на посадку, закладывает ли у мухи уши?

– Чего, чего? У какой еще мухи?

– Ну, муха в самолете летит! Залетела в самолет, когда он еще на земле был, где-нибудь на юге. И полетела в Петербург.

Я засмеялся.

– Да я сам видел! – закричал Юрка. – Мы летом возвращались с юга, и с нами муха летела. Даже на нос мне села один раз.

На меня напал такой смех, что я даже портфель в руках не мог держать и поставил его прямо на землю.

– Ой, не могу! – задыхался я, раскачиваясь из стороны в сторону. – На нос села!.. Муха!.. С ушами!..

Юрка с опаской глядел на меня. Потом сам хихикнул два раза и тоже захохотал. Так мы стояли и хохотами прямо посреди тротуара, а прохожие обходили нас и смотрели на нас, как на ненормальных.

...Поздно вечером, когда я уже лежал под одеялом, у нас зазвонил телефон.

Мама долго кого-то расспрашивала: почему так поздно? ничего ли не случилось? Потом вошла в комнату и позвала:

– Вставай. Тебя Юра к телефону. Говорит, очень срочно, по важному делу.

Я прошлепал на кухню и взял трубку.

– Привет! – услышал я Юркин голос. – Я тут думал... В общем, я, наверно, не смог бы без тебя обойтись. Алло? Ты слышишь?

– Слышу, Юрка, – ответил я, улыбаясь. – Я тоже не смог бы. Честно.

Мы молчали.

– Ну, ладно, – сказал Юрка. – Тогда пока?

– Ага. До завтра.

Я тихо повесил трубку.

– Что Юра звонил? – спросила мама. – Ты чему улыбаешься?

– Да так... Мам, как ты думаешь, когда самолет идет на посадку, закладывает у мухи уши?

Мама всплеснула руками:

– И это называется «очень срочно»! Нашли о чем разговаривать по ночам. Нет, я телефон отключу, ей-богу! Иди спать скорей.

И я пошел, хотя спать совсем расхотелось.

Из открытой форточки пахло весной. Прозрачная занавеска чуть подрагивала от влажного воздуха. Сперва осторожно, а затем все уверенней и громче застучал по подоконнику дождик. «К утру, – подумал я, – он смоет остатки грязноватого талого снега. Первый весенний дождь в этом году».

1996 г.

**ИЛИ**

**Вариант 2.** Прочитайте стихотворение **Андрея Анпилова «С ногами залезу на тёмный диван…»** и **напишите отзыв об этом произведении.** Не забудьте высказать свою точку зрения о прочитанном произведении. Вам необходимо не просто дать оценку, но аргументировать её конкретными примерами из текста, анализом произведения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Андрей Анпилов**

## С ногами залезу на тёмный диван...

С ногами залезу на тёмный диван,

Зажмурю глаза, чтоб удобней мечтать, –

Мне папа сегодня волшебный роман

С цветными картинками будет читать!

Из окон плывёт замечательный мрак…

Над книгой таинственно лампа горит…

«Джез Крюк! Извиняюсь, вы – круглый дурак!» -

Отец с выражением мне говорит.

Но только вступлю я в заманчивый бой,

Лишь ветер в груди паруса развернёт –

Как папа, устало кивнув головой,

Уронит страницу и сладко зевнет.

«Ну, папа! Читай – там пиратский фрегат!»

Всё тихо… Вода в батареях журчит…

Во сне пробормочет отец наугад:

«Свистать всех наверх…» и опять замолчит.

И сердце сжимается, как кулачок.

«Не спи!» – за рукав я пижаму трясу.

Но папа сквозь пальцы куда-то течёт,

И мирно сползают очки на носу…

1972 г.

**Задание 2. Творческое задание.**

Представьте, что Робинзон Крузо снова отправляется в путешествие по морям и океанам, новый корабль стоит у причала, намечен маршрут, раскрыты карты. Робинзон Крузо зовёт в свою команду героев книг со всего мира. Кто из литературных персонажей откликнулся?

**Напишите начало новой истории о путешествии.** Выберите, кто из известных литературных героев поднимается на корабль Робинзона Крузо. Опишите, как они выглядят, что берут с собой в путешествие. Почему эти герои решили отправиться в путь? Чего они опасаются? В каких краях мечтают побывать?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Максимальный балл – 30.**

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**Муниципальный этап (2026-2027)**

**8 класс**

**Задание 1. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.**
**Максимальный балл – 70.**

**Вариант 1.** Прочитайте рассказ **Ольги Савельевой «Венеция»** и напишите **отзыв об этом произведении**. Не забудьте высказать свою точку зрения о прочитанном произведении. Вам необходимо не просто дать оценку, но аргументировать её конкретными примерами из текста, анализом произведения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Ольга Савельева**

**Венеция**

Я живу с мыслью, что каждую минуту жизнь может измениться к лучшему. Мне так проще жить. Я все время жду хороших новостей, притягиваю их. А если случается плохое, я думаю: так-с, это плохое — ступенька к хорошему. Именно на контрасте с этим «плохо» я буду особенно ценить свое наступающее «хорошо», которое уже совсем близко. Очень хочу заразить этой мыслью окружающих.

Вот сейчас забежала в магазин. В очереди передо мной женщина с дочкой. Девочке лет пять.

— Мам, можно я сама выложу продукты на ленту? — спрашивает она. Очень хочет помочь.

Мама нервничает, может, опаздывают куда, может, просто не выспалась.

— Давай, только быстрее... — говорит она дочке рассеянно.

Девочка быстро начинает метать продукты из тележки на ленту. Спешит. Мама доверила такое дело, надо оправдать ожидания! И вдруг пакет с пшеном падает на пол и лопается. Пшено почти не высыпалось, но пакет порван. Девочка в ужасе замерла. Что она натворила!

— Ну вот. — Мама вздыхает. — Так и знала! Вот доверь! Ну, руки-крюки! За что ни возьмешься.... Надо теперь взять новый пакет пшена!

Девочка беззвучно плачет. Она больше не хочет ничего перекладывать. Она неумеха. Руки-крюки. Так сказала мама.

— Давайте сюда этот, крупа почти не просыпалась, я вам в целлофан положу и заберете, вы же порвали! — говорит кассир.

— Мы не порвали, мы уронили. Он сам порвался. Мне нужен целый пакет пшена! — раздраженно говорит мама.

Она сама переложила оставшиеся продукты на ленту. И, к неудовольствию всей очереди, ушла за новым пакетом пшена.

— Дайте пакет, пожалуйста, — говорю я кассиру, беру целлофановый пакет и прошу девочку, застывшую, как мумия, у кассы, помочь собрать пшено.

Она садится на корточки, и мы с ней вместе собираем пшено в целлофановый пакет, пока вернувшаяся мама девочки рассчитывается за покупки.

— А что теперь с этим пшеном? Которое ваша дочь рассыпала?

Мама приготовилась к скандалу.

— У вас тут всегда заложена в стоимость такая ситуация. Что вы мне рассказываете! Я могу вон весь алкоголь перебить, и то не обязана за него платить. А тут пшено!

— А кто за него должен платить, я? — заводится кассир.

Так, остановитесь! Зачем нагнетать на пустом месте? Ну вот зачем тиражировать взаимное раздражение?

— Я куплю это пшено, — говорю я. — При условии, что ваша дочь поможет мне переложить продукты на ленту. Она так здорово это делает. А у меня рука болит. Мама девочки врезается в мой убедительный взгляд и, будто опомнившись, говорит:

— Да, Лидочка, помоги тете... У нее рука болит.

Я, чтобы девочка не видела, поднимаю вверх большой палец своей совершенно здоровой руки.

Лидочка будто отмирает: начинает аккуратно перекладывать мои продукты на ленту, старается, поглядывает на маму.

— Какая у вас помощница растет! — говорю я маме Лиды громко, чтобы девочка слышала.

— И не говорите! Она и полы у меня умеет мыть, и стирку запускать.

— Ничего себе, настоящая невеста! — подыгрывает нам мужчина, который стоит за нами.

— И пельмени я тебе помогала раскатывать, — напоминает смущенная Лида.

— Ооо, пельмееееени, это просто чудо, а не ребенок! Вот вырастет — отбоя от женихов не будет. Я бы сам прямо сегодня женился на вашей Лиде, да женат уже двадцать четыре года. Вот если б не жена...

Все в очереди смеются. Тем временем мои продукты уже на ленте. Я быстро упаковываю их в пакеты. Мы одновременно с Лидой и ее мамой выходим из магазина.

— Лида, а ты когда-нибудь была в Венеции? — спрашиваю я.

— Где?

— В Венеции.

— Нет. Я в Крыму была.

— Знаешь, я тоже пока не была. Но читала, что там есть площадь, на которой много-много голубей.

И они почти ручные: садятся людям на плечи и на голову. И люди с ними фотографируются. Представляешь?

— Здорово!

— Хочешь прямо сейчас оказаться в Венеции?

— Здесь? Сейчас? — удивляется Лида.

— Да. — Я достаю целлофановый пакет с пшеном. — Здесь и сейчас.

Мы отходим от магазина, и я говорю:

— Лида, ты очень скучно уронила пшено. Оно даже не рассыпалось. Урони так, чтобы бабах — и все рассыпалось.

Лида оглядывается на маму. Та уже все поняла, улыбается и кивает. Лида берет у меня пакет с пшеном.

— Прямо на землю?

— Прямо на землю!

Лида радостно плюхает пшено, оно рассыпается желтым салютом, и небо сразу чернеет: с крыш, с проводов, откуда ни возьмись, огромное полчище голодных голубей стремительно пикирует к ногам визжащей от восторга Лиды.

— Мама, мама! Смотри, как их много, они едят наше пшено! Мы в Венеции!

Мы с ее мамой смеемся.

— Здорово, спасибо вам. Прямо отрезвили. А то у меня сегодня плохой день... — говорит мама Лиды.

— Плохой день каждую минуту может стать хорошим. Балашиха каждую минуту может стать Венецией.

— Да, я уже поняла, — смеется мама. — Он уже стал...

Она прижимает к себе скачущую Лиду.

— Я свою дочурку Лиду никому не дам в обиду, — говорит она.

А девочка хлопает в ладоши...

Ну все, здесь я больше не нужна. Фея рассыпанного пшена, голодных голубей и счастливых девочек полетела дальше. Помните: каждую минуту все может измениться к лучшему. Подождите. Или измените сами.

2018 г.

**ИЛИ**

**Вариант 2.** Прочитайте стихотворение **Юлии Вихаревой «Не знаю, на что это больше похоже …»** и напишите **отзыв об этом произведении**. Не забудьте высказать свою точку зрения о прочитанном произведении. Вам необходимо не просто дать оценку, но аргументировать её конкретными примерами из текста, анализом произведения. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Юлия Вихарева**

**Не знаю, на что это больше похоже...**

Не знаю, на что это больше похоже:
На чудо природы? На промысел божий? –
Есть люди, в которых с младенческих лет
Горит, словно лампочка, внутренний свет.

Таких, как они, очень мало на свете,
Но всё ж средь других их нельзя не заметить.
Особых примет говорить и не надо:
Их видно по светлым улыбкам и взглядам.

Вглядитесь в их лица, в глаза им взгляните –
Их будто соткали из солнечных нитей!
Забыть невозможно, увидев хоть раз
Сияние ясных, распахнутых глаз.

Обычные люди обычного роста,
И вроде бы в них всё обычно и просто,
Но, как маяки, (в этом главная суть!)
Укажут единственно-правильный путь.

И греют их речи, и светят их души
Для всех потерявшихся, сирых, заблудших,
Всегда поддержав на пути перемен,
Они ничего не попросят взамен.

Поверьте, ни разные беды, ни склоки,
Ни грязные сплетни людей недалёких,
Ни злость, ни коварство, ни жизнь «на мели»
Их внутренний свет погасить не смогли.

Но жаль, что такого вот «чуда природы»
Всё меньше и меньше средь нас год от года…
Поэтому светлых людей берегите,
Не пользуйтесь ими, а сами светите.

2016 г.

**Задание 2. Творческое задание.**

Представьте, что Александр Сергеевич Пушкин устраивает бал, на который решил позвать героев своих произведений. И вот уже ярко горят свечи, звучит музыка, прибывают гости.

**Напишите о начале бала героев А. С. Пушкина**. Кто из литературных персонажей откликнулся? Опишите, как они выглядят, какое у них настроение? Почему эти герои решили принять приглашение? Какие у них ожидания? Может, надеются кого-то встретить, с кем-то поговорить?

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Максимальный балл – 30.**

**Примерные критерии оценивания аналитического задания для 7–8 классов**

1. Полнота и глубина раскрытия темы и идеи – 10 б.
2. Анализ изобразительно-выразительных средств языка, определение их роли в раскрытии идеи и выявлении авторской позиции – 10 б.
3. Общекультурная эрудиция (социально-культурный, историко-культурный, историко-биографический, философский контекст) – 10 б.
4. Соответствие текста жанру отзыва – 10 б.
5. Индивидуальное восприятие и трактовка текста – 10 б.
6. Композиционная стройность, стилистическая целостность – 10 б.
7. Общая речевая грамотность (речевые, грамматические, орфографические и пунктуационные ошибки) – 10 б.

**Максимальный балл – 70.**

**Примечание 1**. Сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

В том случае, если олимпиадная работа обучающегося будет направляться на экспертизу в региональную предметно-методическую комиссию (жюри регионального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе), убедительно просим жюри муниципального этапа олимпиады сделать традиционные пометки о фактических, речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибках, чтобы исключить со стороны региональных экспертов возможность «недопонимания» постановки баллов по критерию 5 (общая языковая и речевая грамотность) при проведении экспертизы.

**Примечание 2**. При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения, работа по этому критерию получает ноль баллов.

**Примечание 3**. Вполне допустимо выставлять участникам так называемые «промежуточные баллы», то есть баллы, находящиеся в диапазоне между, к примеру, 0 и 10 баллами, 10 и 20 баллами, 20 и 30 баллами. Этот подход не противоречит рекомендациям центральной предметно-методической комиссии. Вместе с тем, членам жюри муниципального этапа необходимо учитывать, что при апелляции участник точно так же имеет право знать, почему по определённому критерию ему выставлено, например, именно 16 (или 9), а не 17 (или 10) баллов.

**Примечание 4**. Обращаем внимание, что начисление баллов производится целыми, а не дробными числами. При этом оценка любого задания не может быть отрицательной, то есть минимальная оценка, выставляемая за выполнение отдельно взятого задания, – 0 баллов.

## Примерные критерии оценивания творческого задания для 7–8 классов

1. Историко-литературная эрудиция – 0-10 баллов.
2. Оригинальность замысла и приемов его реализации – 0-7 баллов.
3. Композиционная стройность работы – 0-5 баллов.
4. Фактическая точность – 0-3 баллов.
5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических и орфографических ошибок) – 0-5 баллов.

**Итого – максимальный балл - 30.**

Оценка выполнения участником любого задания **не может быть отрицательной**, минимальная оценка, выставляемая за выполнение отдельно взятого задания, **- 0 баллов.**

Таким образом, распределение баллов за всю олимпиадную работу составляет (см. таблицу):

| **7–8 классы** |
|---|
| Аналитическое задание – 70 баллов |
| Творческое задание – 30 баллов |
| Итого: 100 баллов |

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**Муниципальный этап (2026-2027)**

**9 класс**

**Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.**

**Максимальный балл – 70.**

**Вариант 1**. Прочитайте рассказ **Людмилы Улицкой «Капустное чудо»** и выполните **целостный анализ** прозаического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Людмила Улицкая**

## Капустное чудо

Две маленькие девочки, обутые в городские ботики и по-деревенски повязанные толстыми платками, шли к зеленому дощатому ларьку, перед которым уже выстроилась беспросветно-темная очередь. Ждали машину с капустой.

Позднее ноябрьское утро уже наступило, но было сумрачно и хмуро, и в этой хмурости радовали глаз только тяжелые, темно-красные от сырости флаги, не убранные после праздника.

Старшая из девочек, шестилетняя Дуся, мяла в кармане замызганную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год. Младшей, Ольге, она сунула в руки мешок – для капусты.

– Возьмите, сколько унесете, – велела она им, – и морквы с килограмм.

Было самое время ставить капусту. Таскать Ипатьевой было тяжело, и ноги еле ходили. К тому же за то время, что девочки жили у нее, она уже привыкла, что почти всю домашнюю работу они делают сами – легко и без принуждения.

К старухе Ипатьевой, по прозвищу Слониха, девочек привезли в конце сорок пятого года вьюжным вечером, почти ночью. Они приходились внучками ее недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе – ближе родни у них не было. Ипатьева оставила их у себя, но без большой радости. Наутро, разогревая на плите кашу, она бормотала: привезли, мол, на мою голову…

Девочки испуганно жались друг к дружке и исподлобья смотрели на старуху одинаковыми круглыми глазами.

Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывая головы. Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом.

В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезневку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала:

– Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали.

А девочки, словно почуяв, что их жизнь решилась, заговорили сначала между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней. Они обжились, привыкли к новому жилью и к Слонихе, только с городскими ребятами не сошлись: их игры были непонятны, интереснее было сидеть в комнате, возле швейной машинки, слушать ее неровный стук и подбирать лоскутки, падающие на пол: Ипатьева брала работу – если повезет, то из нового, но больше кому перелицевать, кому починить…

Теперь девочки шли за капустой, и Дуся прикидывала, куда же они ее поставят: бочонка в хозяйстве не было. В дырявом кармане Дусиного пальто, кроме десятки, лежала еще и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты.

Подтерев сестре нос, Дуся опустила замерзшие пальцы в карман и нащупала десятку, скатанную трубочкой.

– Большая, а носа вытереть не можешь, – проворчала она точно так, как это делала Ипатьева, и снова сунула руку в карман. Ее замерзшие пальцы не расчувствовали десятирублевки и скатали поудобней в трубочку желтого японца. Измятая десятирублевка обиженно скользнула в дыру кармана и полетела вдоль мостовой вместе с бурыми промерзшими листьями.

Сестры встали в хвост недлинной очереди. Женщины говорили, что, может, капусту и не привезут, потому стояли только самые упорные. Все другие, простояв минут десять, уходили, обещая вернуться. Девочки тесно прижимались друг к дружке, топали озябшими ногами – ботики были дареные, изношенные, тепла не держали.

– Надо было валенки надеть, – сказала Дуся.

– На валенках кошка спит, – отозвалась Ольга. И они замолчали, наговорившись.

Минут через сорок пришел грузовик с капустой. Его долго разгружали, и девочки терпеливо ждали, пока начнут продавать. Им и в голову не приходило уйти без капусты.

Наконец сгрузили. Раскрылось зеленое окошко, продавщица начала отпускать. Очередь сразу разбухла. Прибежали все: и те, кто занимал, и те, кто не занимал. Девочки все оттеснялись и оттеснялись в хвост. Они давно продрогли. Временами шел не то дождь, не то снег. Платки их промокли, но пока еще грели. Только ноги вконец иззябли. Время уже перевалило за

обеденное, и продавщица закрыла окошечко, когда девочки приблизились к нему вплотную. Стоявшая у прилавка тетка начала шуметь:

– Чего закрываешь, когда только открыли?

Но продавщица цыкнула на нее:

– Обед! – И ушла.

Прошел еще час. Свет стал убывать. Посыпал настоящий, слепленный в крупные хлопья снег. Он покрывал сутулые спины людей, и спины домов, и кучу бело-голубой, твердой даже на вид капусты. От белизны снега стало чуть веселее и вроде светлее.

Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернула ее – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Ее охватил ужас.

– Тетенька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!

Краснолицая продавщица, одетая, как капуста, во многие одежды, выглянула из своего окошка вниз, посмотрела на Дусю и сказала:

– Беги домой! Возьми у мамки денег, я тебе без очереди отпущу.

Но Дуська не отходила.

– Дырка у меня! Я не нарочно! – ревела она. Маленькая Ольга, понимая, что на них свалилось горе, тоже ревела.

– Иди, поищи, может, на дороге найдешь, – посоветовала темнолицая женщина из очереди.

– Как же, найдешь, – фыркнул одноглазый старик.

– Не задерживайтесь, чего зря болтать! Эй, девочка, отойди в сторону! – сказал кто-то третий.

Две сгорбленные девочки, по-деревенски замотанные платками, пошли в сторону дома, разгребая ногами кучи перемешанных со снегом и сумраком

листьев, нагибались и рыли побелевшими пальцами в хрустящих водоворотах. Старшая горестно, по-взрослому причитала:

– Горе ты мое! Что теперя с нами будет! Прогонит она нас, и куда мы пойдем!

Ольга, опустив вниз углы своего треугольного рта, вторила сестре:

– Куда пойдем…

Стемнело. Укрывши плечи мешком, они медленно брели к дому. Умненькая Дуся все думала, что бы такое сказать Ипатьевой, чтобы она их не прибила или, хуже того, не прогнала… Украли? Или отняли? Или еще чего? Сказать «потеряла» казалось ей совсем невозможным.

Ольга всхлипывала. Они подошли к повороту, остановились, собираясь перейти дорогу: деревенская робость перед машинами все еще оставалась в Дусе. Навстречу им несся грузовик, освещая фарами бежавший перед ним раскосый кусок брусчатки. Девочки стояли. Машина, не сбавляя ходу, резко повернула, под фонарем сверкнул бело-голубым сиянием ее груз – высоко вздыбившаяся над бортом капуста. Машина вильнула возле них, рванулась и поехала мимо, сбросив к их ногам два огромных кочана. Они крякнули, стукнувшись о дорогу. Один распался надвое, второй покатился, слегка подпрыгивая, прямо к ногам Ольги.

Они посмотрели друг на дружку – два светло-голубых изумленных глаза смотрели в другие, точно такие же. Сняли с плеч мешок, которым укрывались, сунули в него цельный кочан и тот, что распался. Дуся не могла взвалить на плечи мешок – был слишком тяжел. Они взялись за углы мешка. Вострая Дуся подложила под него картонку, и они поволокли его…

Ипатьевой дома не было. Она сидела у подружки Кротовой, плакала, утирая слезы кривым ситцевым лоскутом:

– Шура, подумай, ведь два раза к ларьку бегала… Пропали, пропали девчоночки мои… Цыгане свели или кто…

– Да найдутся, кому они нужны-то? Сама подумай! – утешала ее Кротова.

– Девчоночки-то какие были! Золотые, ласковые… Как же они без меня? А я-то, я-то как без них? – убивалась Ипатьева, комкая промокшую тряпочку.

А девочки в темноте выложили на стол капусту, сели, не раздеваясь, на стул и ждали…

2003 г.

**ИЛИ**

**Вариант 2.** Прочитайте стихотворение **Булата Окуджавы «Одна морковь с заброшенного огорода»** и выполните **целостный анализ** поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Булат Окуджава**

**Одна морковь с заброшенного огорода**

Мы сидим, пехотные ребята.
Позади – разрушенная хата.
Медленно война уходит вспять.
Старшина нам разрешает спать.

И тогда (откуда – неизвестно,
Или голод мой тому виной),
Словно одинокая невеста,
Выросла она передо мной.

Я киваю головой соседям:
На сто ртов одна морковь – пустяк…
Спим мы или бредим? Спим иль бредим?
Веточки ли в пламени хрустят?

…Кровь густая капает из свеклы,
Лук срывает бренный свой наряд,
Десять пальцев, словно десять свёкров,
Над одной морковинкой стоят…

Впрочем, ничего мы не варили,
Свекла не алела, лук не пах.
Мы морковь по-братски разделили,
И она хрустела на зубах.

Шла война, и кровь текла рекою.
В грозной битве рота полегла.
О природа, ты ж одной морковью
Словно мать насытить нас смогла!

И наверно, уцелела б рота,
Если б в тот последний грозный час
Ты одной любовью, о природа,
Словно мать насытила бы нас!

1964 г.

**Задание 2. Творческое задание**

**Мурал** (от испанского muro – «стена») – это крупноформатная монументальная живопись, созданная на стенах зданий, фасадах или других архитектурных поверхностях. В отличие от граффити, мурал всегда имеет продуманную художественную концепцию, несёт смысловую и эстетическую нагрузку и, как

правило, создаётся легально — по согласованию с владельцами зданий и городскими властями.

Представьте, что вам предстоит дать рекомендации художнику-оформителю по созданию мурала, посвящённого **«Слову о полку Игореве»** – одному из величайших произведений древнерусской литературы. Выберите одну из ключевых тем или идей литературного произведения, опишите концепцию мурала: основную идею, композицию, ключевые образы, цветовую гамму. Объясните свой выбор.

**Максимальный балл – 30.**

**Примерные критерии оценивания аналитического задания для 9–11 классов**

1. Понимание произведения как «сложно построенного смысла» (Ю.М. Лотман), последовательное и адекватное раскрытие этого смысла в динамике, в «лабиринте сцеплений», через конкретные наблюдения, сделанные по тексту. Максимум – 30 баллов. Шкала оценок: 0 – 10 – 20 – 30.
2. Композиционная стройность работы и её стилистическая однородность. Уместность цитат и отсылок к тексту произведения. Максимум – 15 баллов. Шкала оценок: 0 – 5 – 10 – 15.
3. Владение теоретико-литературным понятийным аппаратом и умение использовать термины корректно, точно и только в тех случаях, когда это необходимо, без искусственного усложнения текста работы. Максимум – 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
4. Историко-литературная эрудиция, отсутствие фактических ошибок, уместность использования фонового материала из области культуры и литературы. Максимум – 10 баллов. Шкала оценок: 0 – 3 – 7 – 10.
5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических ошибок), точность формулировок. Максимум – 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.

**Максимальный балл – 70.**

**Примечание 1**. Сплошная проверка работы по привычным школьным критериям грамотности с полным подсчетом ошибок не предусматривается.

В том случае, если олимпиадная работа обучающегося будет направляться на экспертизу в региональную предметно-методическую комиссию (жюри регионального этапа всероссийской олимпиады школьников по литературе), убедительно просим жюри муниципального этапа олимпиады сделать традиционные пометки о фактических, речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибках, чтобы исключить со стороны региональных экспертов возможность «недопонимания» постановки баллов по критерию 5 (общая языковая и речевая грамотность) при проведении экспертизы.

**Примечание 2**. При наличии в работе речевых, грамматических, а также орфографических и пунктуационных ошибок, затрудняющих чтение и понимание текста, обращающих на себя внимание и отвлекающих от чтения, работа по этому критерию получает ноль баллов.

**Примечание 3**. Вполне допустимо выставлять участникам так называемые «промежуточные баллы», то есть баллы, находящиеся в диапазоне между, к примеру, 0 и 10 баллами, 10 и 20 баллами, 20 и 30 баллами. Этот подход не противоречит рекомендациям центральной предметно-методической комиссии. Вместе с тем, членам жюри муниципального этапа необходимо учитывать, что при апелляции участник точно так же имеет право знать, почему по определённому критерию ему выставлено, например, именно 16 (или 9), а не 17 (или 10) баллов.

**Примечание 4**. Обращаем внимание, что начисление баллов производится целыми, а не дробными числами. При этом оценка любого задания не может быть отрицательной, то есть минимальная оценка, выставляемая за выполнение отдельно взятого задания, – 0 баллов.

## Примерные критерии оценивания аналитического задания для 9–11 классов

1. Проработанность концепции: достаточная полнота, точность и уместность информации об авторе или произведении, жизни автора и/или героях произведений, умение обосновать свой выбор, описание визуальных решений и их смысла – 0-10 баллов.
2. Композиционная стройность работы – 0-5 баллов.
3. Оригинальность замысла и приёмов его реализации – 0-5 баллов.
4. Использование историко-культурного и литературного контекста. Фактическая точность – 0-5 баллов.
5. Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие речевых, грамматических и орфографических ошибок – 0-5 баллов.

**Итого: максимальный балл – 30.**

Оценка выполнения участником любого задания **не может быть отрицательной**, минимальная оценка, выставляемая за выполнение отдельно взятого задания, **- 0 баллов.**

Таким образом, распределение баллов за всю олимпиадную работу составляет (см. таблицу):

| **9–11 классы** |
|---|
| Аналитическое задание – 70 баллов |
| Творческое задание – 30 баллов |
| Итого: 100 баллов |

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**

**Муниципальный этап (2026-2027)**

**10 класс**

**Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.**

**Максимальный балл – 70.**

**Вариант 1**. Прочитайте рассказ **Рэя Бредбери «Всё лето в один день»** и выполните **целостный анализ** прозаического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Рэй Брэдбери**

**Всё лето в один день**

– Готовы?

– Да!

– Уже?

– Скоро!

– А ученые верно знают? Это правда будет сегодня?

– Смотри, смотри, сам увидишь!

Теснясь, точно цветы и сорные травы в саду, все вперемешку, дети старались выглянуть наружу – где там запрятано солнце? Лил дождь. Он лил не переставая семь лет подряд; тысячи и тысячи дней, с утра до ночи, без передышки дождь лил, шумел, барабанил, звенел хрустальными брызгами, низвергался сплошными потоками, так что кругом ходили волны, заливая островки суши. Ливнями повалило тысячи лесов, и тысячи раз они вырастали

вновь и снова падали под тяжестью вод. Так навеки повелось здесь, на Венере, а в классе было полно детей, чьи отцы и матери прилетели застраивать и обживать эту дикую дождливую планету.

– Перестает! Перестает!

– Да, да!

Марго стояла в стороне от них, от всех этих ребят, которые только и знали, что вечный дождь, дождь, дождь. Им всем было по девять лет, и если выдался семь лет назад такой день, когда солнце все-таки выглянуло, показалось на час изумленному миру, они этого не помнили. Иногда по ночам Марго слышала, как они ворочаются, вспоминая, и знала: во сне они видят и вспоминают золото, яркий желтый карандаш, монету – такую большую, что можно купить целый мир. Она знала, им чудится, будто они помнят тепло, когда вспыхивает лицо и все тело – руки, ноги, дрожащие пальцы. А потом они просыпаются – и опять барабанит дождь, без конца сыплются звонкие прозрачные бусы на крышу, на дорожку, на сад и лес, и сны разлетаются как дым.

Накануне они весь день читали в классе про солнце. Какое оно желтое, совсем как лимон, и какое жаркое. И писали про него маленькие рассказы и стихи.

Мне кажется, солнце – это цветок,
Цветет оно только один часок.

Такие стихи сочинила Марго и негромко прочитала их перед притихшим классом. А за окнами лил дождь.

– Ну, ты это не сама сочинила! – крикнул один мальчик.

– Нет, сама, – сказала Марго, – Сама.

– Уильям! – остановила мальчика учительница.

Но то было вчера. А сейчас дождь утихал, и дети теснились к большим окнам с толстыми стеклами.

– Где же учительница?

– Сейчас придет.

– Скорей бы, а то мы все пропустим!

Они вертелись на одном месте, точно пестрая беспокойная карусель. Марго одна стояла поодаль. Она была слабенькая, и казалось, когда-то давно она заблудилась и долго-долго бродила под дождем, и дождь смыл с нее все краски: голубые глаза, розовые губы, рыжие волосы – все вылиняло. Она была точно старая поблекшая фотография, которую вынули из забытого альбома, и все молчала, а если и случалось ей заговорить, голос ее шелестел еле слышно. Сейчас она одиноко стояла в сторонке и смотрела на дождь, на шумный мокрый мир за толстым стеклом.

– Ты-то чего смотришь? – сказал Уильям. Марго молчала.

– Отвечай, когда тебя спрашивают!

Уильям толкнул ее. Но она не пошевелилась; покачнулась – и только. Все ее сторонятся, даже и не смотрят на нее. Вот и сейчас бросили ее одну. Потому что она не хочет играть с ними в гулких туннелях того города-подвала. Если кто-нибудь осалит ее и кинется бежать, она только с недоумением поглядит вслед, но догонять не станет. И когда они всем классом поют песни о том, как хорошо жить на свете и как весело играть в разные игры, она еле шевелит губами. Только когда поют про солнце, про лето, она тоже тихонько подпевает, глядя в заплаканные окна.

Ну а самое большое ее преступление, конечно, в том, что она прилетела сюда с Земли всего лишь пять лет назад, и она помнит солнце, помнит, какое оно, солнце, и какое небо она видела в Огайо, когда ей было четыре года. А они – они всю жизнь живут на Венере; когда здесь в последний раз светило солнце, им было только по два года, и они давно уже забыли, какое оно, и какого цвета, и как жарко греет. А Марго помнит.

– Оно большое, как медяк, – сказала она однажды и зажмурилась.

– Неправда! – закричали ребята.

– Оно – как огонь в очаге, – сказала Марго.

– Врешь, врешь, ты не помнишь! – кричали ей.

Но она помнила и, тихо отойдя в сторону, стала смотреть в окно, по которому сбегали струи дождя. А один раз, месяц назад, когда всех повели в душевую, она ни за что не хотела стать под душ и, прикрывая макушку, зажимая уши ладонями, кричала – пускай вода не льется на голову! И после того у нее появилось странное, смутное чувство: она не такая, как все. И другие дети тоже это чувствовали и сторонились ее.

Говорили, что на будущий год отец с матерью отвезут ее назад на Землю – это обойдется им во много тысяч долларов, но иначе она, видимо, зачахнет. И вот за все эти грехи, большие и малые, в классе ее невзлюбили. Противная эта Марго, противно, что она такая бледная немочь, и такая худющая, и вечно молчит и ждет чего-то, и, наверно, улетит на Землю...

– Убирайся! – Уильям опять ее толкнул. – Чего ты еще ждешь?

Тут она впервые обернулась и посмотрела на него. И по глазам было видно, чего она ждет. Мальчишка взбеленился.

– Нечего тебе здесь торчать! – закричал он. – Не дождешься, ничего не будет!

Марго беззвучно пошевелила губами.

– Ничего не будет! – кричал Уильям. – Это просто для смеха, мы тебя разыграли. Он обернулся к остальным. – Ведь сегодня ничего не будет, верно?

Все поглядели на него с недоумением, а потом поняли, и засмеялись, и покачали головами: верно, ничего не будет!

– Но ведь... – Марго смотрела беспомощно. – Ведь сегодня тот самый день, – прошептала она. – Ученые предсказывали, они говорят, они ведь знают... Солнце...

– Разыграли, разыграли! – сказал Уильям и вдруг схватил ее.

– Эй, ребята, давайте запрем ее в чулан, пока учительницы нет!

– Не надо, – сказала Марго и попятилась.

Все кинулись к ней, схватили и поволокли, – она отбивалась, потом просила, потом заплакала, но ее притащили по туннелю в дальнюю комнату, втолкнули в чулан и заперли дверь на засов. Дверь тряслась: Марго колотила в

нее кулаками и кидалась на нее всем телом. Приглушенно доносились крики. Ребята постояли, послушали, а потом улыбнулись и пошли прочь – и как раз вовремя: в конце туннеля показалась учительница.

– Готовы, дети? – она поглядела на часы.

– Да! – отозвались ребята.

– Все здесь?

– Да!

Дождь стихал. Они столпились у огромной массивной двери. Дождь перестал. Как будто посреди кинофильма про лавины, ураганы, смерчи, извержения вулканов что-то случилось со звуком, аппарат испортился, – шум стал глуше, а потом и вовсе оборвался, смолкли удары, грохот, раскаты грома... А потом кто-то выдернул пленку и на место ее вставил спокойный диапозитив – мирную тропическую картинку. Все замерло – не вздохнет, не шелохнется. Такая настала огромная, неправдоподобная тишина, будто вам заткнули уши или вы совсем оглохли. Дети недоверчиво подносили руки к ушам. Толпа распалась, каждый стоял сам по себе. Дверь отошла в сторону, и на них пахнуло свежестью мира, замершего в ожидании.

И солнце явилось. Оно пламенело, яркое, как бронза, и оно было очень большое. А небо вокруг сверкало, точно ярко-голубая черепица. И джунгли так и пылали в солнечных лучах, и дети, очнувшись, с криком выбежали в весну.

– Только не убегайте далеко! – крикнула вдогонку учительница. – Помните, у вас всего два часа. Не то вы не успеете укрыться!

Но они уже не слышали, они бегали и запрокидывали голову, и солнце гладило их по щекам, точно теплым утюгом; они скинули куртки, и солнце жгло их голые руки.

– Это получше наших искусственных солнц, верно?

– Ясно, лучше!

Они уже не бегали, а стояли посреди джунглей, что сплошь покрывали Венеру и росли, росли бурно, непрестанно, прямо на глазах. Джунгли были точно стая осьминогов, к небу пучками тянулись гигантские щупальца

мясистых ветвей, раскачивались, мгновенно покрывались цветами – ведь весна здесь такая короткая. Они были серые, как пепел, как резина, эти заросли, оттого что долгие годы они не видели солнца. Они были цвета камней, и цвета сыра, и цвета чернил, и были здесь растения цвета луны.

Ребята со смехом кидались на сплошную поросль, точно на живой упругий матрац, который вздыхал под ними, и скрипел, и пружинил. Они носились меж деревьев, скользили и падали, толкались, играли в прятки и в салки, но главное – опять и опять, жмурясь, глядели на солнце, пока не потекут слезы, и тянули руки к золотому сиянию и к невиданной синеве, и вдыхали эту удивительную свежесть, и слушали, слушали тишину, что обнимала их словно море, блаженно спокойное, беззвучное и недвижное. Они на все смотрели и всем наслаждались. А потом, будто зверьки, вырвавшиеся из глубоких нор, снова неистово бегали кругом, бегали и кричали. Целый час бегали и никак не могли угомониться. И вдруг... Посреди веселой беготни одна девочка громко, жалобно закричала. Все остановились. Девочка протянула руку ладонью кверху.

– Смотрите, сказала она и вздрогнула. – Ой, смотрите!

Все медленно подошли поближе. На раскрытой ладони, по самой середке, лежала большая круглая дождевая капля. Девочка посмотрела на нее и заплакала. Дети молча посмотрели на небо.

– О-о...

Редкие холодные капли упали на нос, на щеки, на губы. Солнце затянула туманная дымка. Подул холодный ветер. Ребята повернулись и пошли к своему дому-подвалу, руки их вяло повисли, они больше не улыбались.

Загремел гром, и дети в испуге, толкая друг дружку, бросились бежать, словно листья, гонимые ураганом. Блеснула молния – за десять миль от них, потом за пять, в миле, в полумиле. И небо почернело, будто разом настала непроглядная ночь. Минуту они постояли на пороге глубинного убежища, а потом дождь полил вовсю. Тогда дверь закрыли, и все стояли и слушали, как с

оглушительным шумом рушатся с неба тонны, потоки воды – без просвета, без конца.

– И так опять будет целых семь лет?

– Да. Семь лет. И вдруг кто-то вскрикнул:

– А Марго?

– Что?

– Мы ведь ее заперли, она так и сидит в чулане.

– Марго...

Они застыли, будто ноги у них примерзли к полу. Переглянулись и отвели взгляды. Посмотрели за окно – там лил дождь, лил упрямо, неустанно. Они не смели посмотреть друг другу в глаза. Лица у всех стали серьезные, бледные. Все потупились, кто разглядывал свои руки, кто уставился в пол.

– Марго...

Наконец одна девочка сказала:

– Ну что же мы?...

Никто не шелохнулся.

– Пойдем... – прошептала девочка.

Под холодный шум дождя они медленно прошли по коридору. Под рев бури и раскаты грома перешагнули порог и вошли в ту дальнюю комнату, яростные синие молнии озаряли их лица. Медленно подошли они к чулану и стали у двери.

За дверью было тихо. Медленно, медленно они отодвинули засов и выпустили Марго.

1954 г.

**ИЛИ**

**Вариант 2.** Прочитайте стихотворение **Юрия Кузнецова «Вина»** и выполните **целостный анализ** поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Юрия Кузнецов**

## Вина

Мы пришли в этот храм не венчаться,
Мы пришли этот храм не взрывать,
Мы пришли в этот храм попрощаться,
Мы пришли в этот храм зарыдать.

Потускнели скорбящие лики
И уже ни о ком не скорбят.
Отсырели разящие пики
И уже никого не разят.

Полон воздух забытой отравы,
Не известной ни миру, ни нам.
Через купол ползучие травы,
Словно слёзы, бегут по стенам.

Наплывают бугристым потоком,
Обвиваются выше колен.
Мы забыли о самом высоком
После стольких утрат и измен.

Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.
И текут наши детские слёзы,
И взбегает трава по ногам.

Да! Текут наши чистые слёзы.
Глухо вторит заброшенный храм.

И взбегают ползучие лозы,

Словно пламя, по нашим ногам.

1979 г.

**Задание 2. Творческое задание.**

**Мурал** (от испанского muro – «стена») – это крупноформатная монументальная живопись, созданная на стенах зданий, фасадах или других архитектурных поверхностях. В отличие от граффити, мурал всегда имеет продуманную художественную концепцию, несёт смысловую и эстетическую нагрузку и, как правило, создаётся легально – по согласованию с владельцами зданий и городскими властями.

Представьте, что вам предстоит дать рекомендации художнику-оформителю по созданию мурала, посвящённого жизни и творчеству **Ивана Сергеевича Тургенева.** Подумайте, какой будет композиция вашего изображения и почему? Что будет изображено? К каким фактам биографии И. С. Тургенева вы обратитесь? Какие герои произведений будут напоминать о его творчестве? Объясните свой выбор.

**Максимальный бал – 30.**

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе**
**Муниципальный этап (2026-2027)**
**11 класс**

**Задание 1. Аналитическое задание. Прочтите тексты произведений (рассказ и стихотворение). Выберите и выполните только ОДНО задание из предложенных.**

**Максимальный балл – 70.**

**Вариант 1**. Прочитайте рассказ **Майка Гелприна «Свеча горела»** и выполните **целостный анализ** прозаического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Майк Гелприн**

## Свеча горела

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

— Здравствуйте, я по объявлению. Вы даёте уроки литературы?

Андрей Петрович вгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет — костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьёзные. У Андрея Петровича ёкнуло сердце, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, ещё двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

— Д-даю уроки, — запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. — Н-на дому. Вас интересует литература?

— Интересует, — кивнул собеседник. — Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

«Задаром!» — едва не вырвалось у Андрея Петровича.

— Оплата почасовая, — заставил себя выговорить он. — По договорённости. Когда бы вы хотели начать?

— Я, собственно… — собеседник замялся.

— Первое занятие бесплатно, — поспешно добавил Андрей Петрович. — Если вам не понравится, то…

— Давайте завтра, — решительно сказал Максим. — В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

— Устроит, — обрадовался Андрей Петрович. — Записывайте адрес.

— Говорите, я запомню.

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

— Вы слишком узкий специалист, — сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. — Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники — вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф всё ещё достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век… Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чём немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд. Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать аэромобиль, старый, но надёжный. Антикварный сервиз, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем… Андрея Петровича мутило каждый раз, когда он вспоминал об этом — затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский — две недели. Бунин — полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг — самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак… Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

«Если этот парень, Максим, — беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, — если он… Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду».

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть.

Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

— Проходите, — засуетился Андрей Петрович. — Присаживайтесь. Вот, собственно… С чего бы вы хотели начать?

Максим помялся, осторожно уселся на край стула.

— С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

— Да-да, естественно, — закивал Андрей Петрович. — Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

— Нигде? — спросил Максим тихо.

— Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия — в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты… — Андрей Петрович махнул рукой. — Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовые механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

— Да, продолжайте, пожалуйста.

— В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал — стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем — люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше — за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утёр рукой вспотевший вдруг лоб.

— Мне нелегко об этом говорить, — сказал он наконец. — Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете… Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

— Я сам пришёл к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

— У вас есть дети?

— Да, — Максим замялся. — Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

— Да, — сказал Андрей Петрович твёрдо. — Научу.

Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

— Пастернак, — сказал он торжественно. — Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела…

— Вы придёте завтра, Максим? — стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

— Непременно. Только вот… Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, — Максим обвёл глазами помещение, — могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счёт оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

— Конечно, Максим, — сказал он. — Спасибо. Жду вас завтра.

— Литература — это не только о чём написано, — говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. — Это ещё и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте.

Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя наизусть.

— Пушкин, — говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

«Таврида», «Анчар», «Евгений Онегин».

Лермонтов «Мцыри».

Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Высоцкий…

Максим слушал.

— Не устали? — спрашивал Андрей Петрович.

— Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста.

День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на неё времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днём постигал её и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн.

Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков.

Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый.

Классика, беллетристика, фантастика, детектив.

Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

Однажды, в среду, Максим не пришёл. Андрей Петрович всё утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулёзный педантичный

Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил. К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извёлся, и когда стало ясно, что Максим не придёт опять, побрёл к видеофону.

— Номер отключён от обслуживания, — поведал механический голос.

Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю?

Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырёх стенах стало больше невмоготу.

— А, Петрович! — приветствовал старик Нефёдов, сосед снизу. — Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чём.

— В каком смысле стыжусь? — оторопел Андрей Петрович.

— Ну, что этого, твоего, — Нефёдов провёл ребром ладони по горлу. — Который к тебе ходил. Я всё думал, чего Петрович на старости лет с этой публикой связался.

— Вы о чём? — у Андрея Петровича похолодело внутри. — С какой публикой?

— Известно с какой. Я этих голубчиков сразу вижу. Тридцать лет, считай, с ними отработал.

— С кем с ними-то? — взмолился Андрей Петрович. — О чём вы вообще говорите?

— Ты что ж, в самом деле не знаешь? — всполошился Нефёдов. — Новости посмотри, об этом повсюду трубят.

Андрей Петрович не помнил, как добрался до лифта. Поднялся на четырнадцатый, трясущимися руками нашарил в кармане ключ. С пятой попытки отворил, просеменил к компьютеру, подключился к сети, пролистал

ленту новостей. Сердце внезапно зашлось от боли. С фотографии смотрел Максим, строчки курсива под снимком расплывались перед глазами.

«Уличён хозяевами, — с трудом сфокусировав зрение, считывал с экрана Андрей Петрович, — в хищении продуктов питания, предметов одежды и бытовой техники. Домашний робот-гувернёр, серия ДРГ-439К. Дефект управляющей программы. Заявил, что самостоятельно пришёл к выводу о детской бездуховности, с которой решил бороться. Самовольно обучал детей предметам вне школьной программы. От хозяев свою деятельность скрывал. Изъят из обращения… По факту утилизирован…. Общественность обеспокоена проявлением… Выпускающая фирма готова понести… Специально созданный комитет постановил…».

Андрей Петрович поднялся. На негнущихся ногах прошагал на кухню. Открыл буфет, на нижней полке стояла принесённая Максимом в счёт оплаты за обучение початая бутылка коньяка. Андрей Петрович сорвал пробку, заозирался в поисках стакана. Не нашёл и рванул из горла. Закашлялся, выронив бутылку, отшатнулся к стене. Колени подломились, Андрей Петрович тяжело опустился на пол.

Коту под хвост, пришла итоговая мысль. Всё коту под хвост. Всё это время он обучал робота.

Бездушную, дефективную железяку. Вложил в неё всё, что есть. Всё, ради чего только стоит жить. Всё, ради чего он жил.

Андрей Петрович, превозмогая ухватившую за сердце боль, поднялся. Протащился к окну, наглухо завернул фрамугу. Теперь газовая плита. Открыть конфорки и полчаса подождать. И всё.

Звонок в дверь застал его на полпути к плите. Андрей Петрович, стиснув зубы, двинулся открывать. На пороге стояли двое детей. Мальчик лет десяти. И девочка на год-другой младше.

— Вы даёте уроки литературы? — глядя из-под падающей на глаза чёлки, спросила девочка.

— Что? — Андрей Петрович опешил. — Вы кто?

— Я Павлик, — сделал шаг вперёд мальчик. — Это Анечка, моя сестра. Мы от Макса.

— От… От кого?!

— От Макса, — упрямо повторил мальчик. — Он велел передать. Перед тем, как он… как его…

— Мело, мело по всей земле во все пределы! — звонко выкрикнула вдруг девочка.

Андрей Петрович схватился за сердце, судорожно глотая, запихал, затолкал его обратно в грудную клетку.

— Ты шутишь? — тихо, едва слышно выговорил он.

— Свеча горела на столе, свеча горела, — твёрдо произнёс мальчик. — Это он велел передать, Макс. Вы будете нас учить?

Андрей Петрович, цепляясь за дверной косяк, шагнул назад.

— Боже мой, — сказал он. — Входите. Входите, дети.

2011 г.

**ИЛИ**

**Вариант 2.** Прочитайте стихотворение **Новеллы Матвеевой «Живопись»** и выполните **целостный анализ** поэтического текста. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

**Новелла Матвеева**

**Живопись**

*Посвящается Ивану Киуру*

Пусть Живопись нас приютит,
Мои терзанья прекратит.
Единственная, кто дала

Не знать мне и не делать зла,—
Пусть Живопись нас приютит.

Мы красок не приобрели,
Этюдников не завели,
И всё равно не знали мы
Той бесхудожественной тьмы,
Что многих души тяготит...

Пусть Живопись нас приютит!

Мы не расписывали холст,
Не знаем — тонок он иль толст.
Но — слава Живописи!—
В ней
Спасались мы от тёмных дней!
Бывало, вспыхнет, заблестит...

Пусть Живопись нас приютит.

Ван-Дейком-дамой никогда
Не быв, я шла через года.
И Апеллесом ты не стал,
Но ты живописать мечтал!
А кто мечтанье воспретит?
Пусть Живопись нас приютит.

Да, Апеллесом ты не стал,
И всё же ты — живописал!
Пускай не кистью,

Пусть — пером,
Но, как за тучей ясный гром,
В нём жили масло, тушь, графит,
Вся киноварь, весь лазурит
(Что никого не разорит,
Но всякий угол озарит!).

Пусть Живопись нас одарит!

Свершилось чудо из чудес:
В Поэзии — ты Апеллес!
Кому сам Хронос не указ!
Кто Цвет Естественности спас.
Кто Подлинность раскрепостит.
Кого Паллада защитит!

Пусть Живопись приветит нас.

Пусть Живопись нас приютит,
Довоплотит, озолотит,—
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла!
Под небом всех кариатид
Пусть Живопись нас приютит!

А грех унынья да простит
Мне Бог...

Июнь 1992

**Ива́н Семёнович Ки́уру** (1934-1992) – советский поэт и переводчик.

**Апеллес (**примерно 370–306 гг. до н. э.) – древнегреческий живописец периода эллинизма, один из самых знаменитых художников античности.

**Антонис ван Дейк** (1599–1641) – выдающийся фламандский живописец.

**Хронос** – персонификация времени в досократической философии и более поздней литературе.

**Афина Паллада** – в древнегреческой мифологии богиня мудрости, военной стратегии и тактики.

**Задание 2. Творческое задание.**

**Мурал** (от испанского muro – «стена») – это крупноформатная монументальная живопись, созданная на стенах зданий, фасадах или других архитектурных поверхностях. В отличие от граффити, мурал всегда имеет продуманную художественную концепцию, несёт смысловую и эстетическую нагрузку и, как правило, создаётся легально – по согласованию с владельцами зданий и городскими властями.

Представьте, что вам предстоит дать рекомендации художнику-оформителю по созданию мурала, посвящённого жизни и творчеству **Владимира Владимировича Маяковского.** Подумайте, какой будет композиция вашего изображения и почему? Что будет изображено? К каким фактам биографии В. В. Маяковского вы обратитесь? Какие герои и темы произведений будут напоминать о его творчестве? Объясните свой выбор.

**Максимальный бал – 30.**